

УРОКИ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Сотрясающий мир финансово-кредитный кризис ощутило повлиять на российскую экономику. Все активнее включаясь в процесс экономической глобализации, Россия еще не успела осознать все последствия возрастающей взаимозависимости стран мира. Было бы, однако, большим упрощением объяснять наши трудности только негативным воздействием извне: падением экспортных цен, сужением внешнего товарного и кредитного рынка, приступами паники на мировых фондовых и товарных биржах, под влияние которых попали и отечественные бизнесмены, оттоком иностранного капитала. Принимаемые государством меры по смягчению этого воздействия не устранили неблагоприятия в экономике. Импульс извне обнажил и обострил собственные российские проблемы.

Инфляция, постепенная девальвация рубля, свертывание и без того недостаточно развитого внутреннего кредитного рынка, вызванное всем этим снижение спроса и спад производства, деградация многих жизненно важных отраслей, включая сельское хозяйство, сокращение занятости, падение уровня жизни значительной части населения, социальное расслоение — все это, преимущественно, следствие просчетов и ошибок во внутренней политике, усугубленных кризисными явлениями в глобальной экономике. Внешнеэкономическая политика также оказалась достаточно близорукой, поскольку, как и внутренняя, опиралась в основном на неолиберальную идеологию. Преимущества экономической глобализации переоценивались, а ее риски и угрозы недооценивались.

Словом, российская экономика переживает второй после дефолта и девальвации рубля в 1998 году кризис, на сей раз более глубокий и, видимо, более продолжительный. Кажется, достаточно двух серьезных предупреждений, чтобы извлечь уроки на будущее и скорректировать экономический курс.

В кризисных условиях дерегулирование, упование на «невидимую руку рынка» все явственнее демонстрирует свою ущербность. На Западе и в России на это давно указывали видные экономисты. Начиная с Джона Майнарда Кейнса, выдвигались альтернативные идеи функционирования капиталистической экономики. К сожалению, основное течение экономической мысли пошло по другому руслу. Господствующим стал либеральный фундаментализм. Его и восприняли, не без зарубежных советов, российские реформаторы. Однако сегодняшняя ситуация в экономике ведущих стран Запада, как, впрочем, и во всем мировом хозяйстве, заставляет пересматривать сложившиеся взгляды. И даже из лагеря убежденных либералов все громче раздаются критические голоса. Показательны в этом отношении публикации журнала «Экономист».

В октябрьском (2008) номере он иронизирует по поводу отступничества от либеральной доктрины президента Франции Николя Саркози, печатая карикатуру на него с томом «Капитала» К. Маркса в руках. Действительно, на саммите ЕС в октябре 2008 года Саркози признал, что ультралиберальный капитализм себя дискредитировал и миру нужна рыночная социальная модель². А в следующем номере журнал помещает специальный доклад «Когда фортуна хмурит брови», в котором допускает перемены в капиталистическом мироустройстве.

В нем, в частности, говорится: «Предсказывать последствия незавершившегося кризиса опасно. Но уже ясно, что даже в условиях отсутствия катастрофы направление глобализации изменится. В течение последних двух десятилетий ее ход совпадал с усиливающимся интеллектуальным влиянием англосаксонской модели капитализма свободного рынка. Глобальная интеграция явилась по большей части триумфом рынка над государством... Теперь баланс между ними сдвигается в сторону государственного регулирования, причем не только в сфере финансов»³. «Уолл-стрит, — говорится далее, — оказалась в центре нынешнего кризиса, так что статус Америки и ее интеллектуальный авторитет резко упали»⁴. «Больше, чем в новом капитализме, — заключает журнал свой доклад, — мир нуждается в новом мультилатерализме»⁵. Говоря проще, за этим мудреным словом скрывается оправданность, помимо либеральной, других моделей развития современной экономики. В этом отношении весьма поучителен опыт европейских государств, особенно скандинавских, где социальная ориентация рыночного хозяйства и государства достаточно успешно практикуется многие годы.

Мировому сообществу предстоит извлечь правильные уроки из нынешнего кризиса. Многие склонны объяснять свои беды раздуванием финансово-кредитного пузыря в США, который, лопнув, втянул в кризис и другие страны. Но глобальный кризис имеет не только американские корни. Дешевые заемные деньги, отсутствие надлежащего регулирования денежных рынков, узость внутреннего платежеспособного спроса, несогласованность антикризисной политики ведущих государств, слабость международных финансовых институтов — все это результат серьезных изъянов функционирования глобальной рыночной системы. И это делает необходимой выработку ведущими странами совместной стратегии реформирования системы. Уже в ЕС и на встрече лидеров «Большой двадцатки» в повестке дня стоит новая архитектура мировой финансовой системы и роль коллективных действий государств в обуздании стихийных сил и обеспечении стабильности глобального рынка. Этому может помочь диалог ученых и общественных деятелей относительно перспектив будущего развития.

Если Запад втягивается ныне в полосу поиска новой модели или парадигмы экономического устройства, то для российского доморощенного капитализма, следующего примеру США, это не менее актуально. Конечно, открыто признать несостоятельность ультралиберальной идеологии наши реформаторы еще не готовы. Но критические настроения в России, испытавшей все прелести дикого капитализма, пожалуй, сильнее, чем где-либо. Поэтому можно ожидать, что новые подходы в экономической политике проложат себе дорогу. Кризис должен способствовать отрезвлению проводников нынешнего рыночного курса.

В каких главных направлениях можно ожидать переосмысления экономической идеологии и политики? Одна из наиболее острых проблем — роль государства

¹ Академик РАН, советник РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления (Москва), доктор экономических наук, профессор.

Автор свыше 500 публикаций, в том числе книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Размышления о насущном», «Анатомия глобальной экономики», а также учебника для вузов «Мировая экономика в век глобализации».

Член редколлегии российско-германского журнала «Политэконом», почетный президент Международной ассоциации экономических наук; член Исполнительного комитета Международного совета по общественным наукам при ЮНЕСКО; член Болгарской академии наук, почетный профессор Будапештского университета.

² The Economist. 2008. October 4. P. 2.

³ The Economist. 2008. October 11. P. 6.

⁴ Ibid. P. 33.

⁵ Ibid.

в национальном хозяйстве. В СМИ широко растиражирована мифология: государство должно уйти из экономики или по меньшей мере свести к минимуму свое участие в ней. Один из советников В. В. Путина в бытность его президентом, например, пытался на лукавых цифрах убедить общественность, что чем меньше доля государственного бюджета в ВВП, тем успешнее растет экономика. И это в то время, как мировая статистика неопровержимо показывала рост этой доли на протяжении всего минувшего века с 10–20 % до 50 % и выше¹.

Бесспорно, современное государство, тем более социальное, каковым Россия является по Конституции, призвано представлять и обеспечивать интересы всего населения, а не быть комитетом по заведованию делами наиболее состоятельной и влиятельной его части. Но это предполагает не только справедливое и эффективное демократическое устройство общества, подконтрольность ему государственной бюрократии, но и значительную роль государства в перераспределении ВВП. Только в его власти противодействовать стихии нарастающего социального расслоения, гарантировать справедливый доступ людей к общественным благам — образованию, здравоохранению, культуре. Именно так поступают многие государства мира. Отсюда и рост доли бюджетных расходов в ВВП.

На современное государство ложатся ответственные функции предотвращения и преодоления провалов чисто рыночных механизмов, и не только в денежно-финансовой сфере, что сегодня всем очевидно, но и в других областях. Речь идет, например, о развитии науки, образования, культуры, охране здоровья и окружающей среды, модернизации производства, создании экономической инфраструктуры, не говоря уже об обеспечении национальной безопасности и правопорядка.

Государство способно играть существенную роль в стимулировании инновационного процесса, вкладывая бюджетные средства в ключевые, технически передовые производства, особенно во вновь создаваемые, а также принимая участие в управлении ими. Его поддержка незаменима и для сельского хозяйства многих стран. Это более чем актуально для России, учитывая далеко не самые благоприятные климатические условия в большей части страны и последствия прошлых социальных катаклизмов в деревне.

Доводы российских либералов против государственного вмешательства обычно сводятся к его неэффективности из-за недостаточной компетенции чиновников, их зашкаливающей коррупционности и чрезмерного бюрократизма. Государство обвиняют в непрозрачности обсуждения и принятия решений, необъективности, а то и заведомо ложной информации, доводимой до общественности, в отсутствии обратной связи с подопечным населением и бизнесом. Конечно, подобные упреки зачастую небезосновательны. Но разве частный бизнес столь уж непогрешим? Его недобросовестность, бесчестность, уклонение от налогов, подкуп чиновников, мошенничество, да и другие криминальные действия в неумолимой жажде обогащения общеизвестны. Поэтому сама дилемма — свободный рынок или контроль и участие государства в нем — выглядит надуманной. Вопрос заключается в правильном сочетании обоих начал в развитии экономики и принятии мер по наведению порядка в каждой из этих двух сфер.

В первую очередь, на мой взгляд, требуется качественное улучшение работы государственной системы управления, выращивание класса неподкупных, добросовестных и высококомпетентных управленцев. Подбор кадров должен происходить не по принципу их лояльности началь-

ству и «вменяемости», не по родственной близости, дружбе и личным симпатиям, а по уровню компетентности, профессиональным знаниям и трудовому опыту, добросовестности, умению работать с людьми, отстаивать общественные интересы. Понятно, что в одночасье такого рода перемены не происходят. Россия еще долго будет сильно уступать другим странам в конкурентоспособности на мировом рынке из-за неэффективности государственной системы управления, низкого качества и коррумпированности чиновничества. Но чтобы вырваться вперед, важно решить, с учетом современных мировых реалий, какой должна быть роль государства в нашей экономике и как к этому прийти. Недостаточно расплывчатых и двусмысленных высказываний на этот счет, пора сформулировать четкую концепцию государственного строительства и экономического участия. И, разумеется, последовательно проводить ее в жизнь.

В переходе России от дикого к цивилизованному и социально ориентированному рынку многое зависит от государства, тех законов и моральных норм, соблюдение которых оно обеспечивает своим авторитетом, всеми доступными в его распоряжении средствами. Поэтому и нужно укреплять государство, а не сводить на нет его экономические функции. Иначе не обуздать частный бизнес в его стремлении к быстрому обогащению, идущему, как правило, вразрез с интересами общего процветания, не сдерживать его корпоративный эгоизм.

Гигантские потери страны от бегства капиталов за границу представляют, пожалуй, один из наиболее ярких примеров недооценки возможностей государства, вернее, его неспособности влиять на развитие производства, направлять имеющиеся в стране капиталы на подъем собственной экономики. Если российский Минфин оценивает чистый отток капиталов из страны за весь период реформы и рыночных реформ примерно в 400 млрд долл., то по расчетам Ассоциации российских банков, эта цифра может достигать от 800 млрд до 1 трлн долл., что согласуется и с данными Базельского банка международных расчетов (БМР)². Ряд западных экспертов не исключает, что утечка капиталов могла достичь даже 2 трлн долл.

В приведенные суммы входит сравнительно скромный легальный вывоз капиталов, тогда как львиную долю составляет нелегальный их отток, связанный с уклонением от налогов и стремлением укрыть и сохранить нажитое сомнительным путем. Часть «беглых» денег хранится на банковских депозитах (220 млрд долл. в 2006 г., по данным БМР)³, другая вложена в акции зарубежных компаний, в недвижимость, яхты, футбольные клубы, истрачена на личное потребление и т. д. В точности оценок можно, конечно, сомневаться, но порядок цифр в любом случае поражает количеством нулей.

К тому же этим не ограничивается отток российских денег за рубеж. Государственные валютные, стабилизационные и другие резервы вложены преимущественно в иностранные ценные бумаги и банковские депозиты, далеко не всегда надежные. В первой половине 2008 года их общая сумма составляла почти 600 млрд долл., что мотивировалось необходимостью иметь на черный день надежную подушку безопасности. Однако наступивший кризис показывает, что это не лучший метод спасения. Разумнее было бы использовать значительную часть этих денег на развитие отечественного производства.

Понятно, что имел место и приток капиталов в Россию, особенно в последние годы, в виде прямых и портфельных инвестиций, значительных корпоративных займов наших компаний. Но общий баланс складывал-

¹ Рогов С. М. Функции современного государства : Россия и мировой опыт. URL: www.iskran.ru/docs/rogov_thesis.pdf; Богомолов О. Т. Раздумье о былом и насущном. М., 2007. С. 188.

² Хейфец Б. А. Оффшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике. М., 2008. С. 166–167.

³ Там же.

ся с перевесом не в нашу пользу. Из-за нежелания или неспособности государства установить надлежащий контроль за вывозом капиталов экономика пережила чудовищное кровопускание. Можно только поражаться тому, что при этом она сумела оправиться. Помогли богатые природные ресурсы, человеческий капитал и взлет мировых цен на энергоносители.

В годы высоких цен на энергоносители российские корпорации накопили колоссальный внешний долг, который с наступлением кризиса не смогли обслуживать, и государство вынуждено было спасать своих финансовых и промышленных магнатов. На это ушла значительная часть государственных валютных резервов. Трудно найти рациональное объяснение поведению государства, которое одной рукой направляет свои свободные валютные средства на хранение за рубеж, кредитуя тем самым Запад, а другой подталкивает отечественные компании к крупным займам за рубежом. Лучшего подтверждения близорукости и неразумности государства в экономических вопросах не надо и искать.

Если бы мы, вывозя капиталы, не кредитовали сотни миллиардов долларов США и другие развитые страны, а сумели инвестировать эти деньги в модернизацию своей промышленности, транспорта, сельского хозяйства, энергетики, в здравоохранение, образование, науку, жилищное строительство и так далее, то не испытали бы, начиная с 1992 года, такого глубокого и многолетнего спада производства и жизненного уровня населения. И сегодня не были бы столь уязвимы перед лицом мирового кризиса.

Объяснение случившемуся, естественно, существует: наша рыночная экономика была и до сих пор остается неспособной освоить такие колоссальные средства. Считалось, что их разворуют или разбазарят без видимой отдачи. Такое возможно, если государство выпускает вожжи из рук, снимает с себя ответственность за эффективное и динамичное развитие реального сектора экономики и перепоручает заботу об этом якобы более способному частному бизнесу. Но мировая практика дает немало обратных примеров. Высокие темпы роста, к которым мы стремимся, предполагают значительное увеличение доли в ВВП вложений в основные производственные фонды. Пока в России меньше половины ежегодных накопленных инвестируется в реальный сектор экономики. Повышению доли инвестиций в ВВП должны быть подчинены государственная политика и влияние.

То, что делалось, шло в другом направлении. Ослаблялся и отменялся валютный контроль, облегчавший отток капиталов. Курс рубля сознательно поддерживался на заниженном уровне, увеличивающем рентабельность экспорта сырья и топлива и удорожающем импорт. Это сказывалось на повышении цен потребительских и продовольственных товаров. Из-за узости внутреннего платежеспособного спроса и низкой рентабельности ориентированные на отечественного потребителя производства хирели и сворачивались. То, что могли бы делать сами, закупалось за рубежом. Это коснулось не только текстильной, обувной, швейной, фармацевтической промышленности, но и многих машиностроительных и других отраслей. Их неохотно кредитовали коммерческие и государственные банки, а если и давали деньги, то на короткие сроки и за непомерные проценты. Собственной же прибыли не доставало для расширения и модернизации производственных мощностей. Кроме того, инфляция и слабость внутреннего спроса создавали повышенные инвестиционные риски. При все большей открытости экономики конкуренция с импортными товарами становилась безнадежной.

В исключительно благоприятном положении оказались сырьевики, нефтяники, газовики, металлурги, — сло-

вом, те, кому экспорт приносил баснословные прибыли. Но такой возможности не имели другие отрасли. Складывалась однобокая структура экономики с гипертрофированной долей первичных отраслей. Это отрицательно отражалось на уровне национальной производительности труда и конкурентоспособности на мировом рынке. Экономика попадала в сильную зависимость от положения дел в странах — потребителях нашего сырья и энергоносителей. Утрачивались преимущества устойчивого развития на основе взаимосвязанности и взаимодополнения добывающих и перерабатывающих отраслей в рамках целостного народнохозяйственного комплекса.

Нельзя сказать, что негативные процессы оставались незамеченными. Серьезное беспокойство выражали и ученые, и практики. Но государство демонстрировало беспомощность в попытках изменить положение к лучшему. Надежды по-прежнему возлагались на рыночные механизмы, которые сами должны все исправить. Убежденности архитекторов реформ во всесии рынка не ослабевала. Увы, не получилось. Скорее предпринимательские властями действия работали в противоположном направлении.

Особенность России, как крупнейшей по территории страны, расположенной на двух континентах, с почти полной обеспеченностью природными ресурсами, высоким научно-техническим и человеческим потенциалом, состоит в предпочтительной ориентации ее экономического развития на использование преимуществ не столько международного, сколько внутреннего и регионального разделения труда. В отличие от государств, основывающих свою стратегию роста на экспортной экспансии, нам надежнее и выгоднее делать все для углубления внутреннего разделения труда и расширения емкости отечественного рынка. Это не означает отказа от дальнейшего включения в процесс экономической глобализации и использования выгод разумной открытости экономики. Но делать это необходимо с оглядкой на неустойчивость и неподконтрольность мировых товарных и фондовых рынков, чьи колебания и периодические кризисы способны принести России тяжелые потери. Капитализму в силу его природы присущи кризисы перепроизводства, вызываемые недостаточным инвестиционным и потребительским спросом. Это констатировал еще К. Маркс, и, приступив к строительству капитализма, мы должны были с этим считаться.

Настойчивое стремление быстрее вступить во Всемирную торговую организацию отнюдь не гарантирует нам модернизации и успешного развития собственных отраслей обрабатывающей промышленности, и особенно высокотехнологичных, не говоря уже о сельском хозяйстве. Предварительно необходимо дать возможность окрепнуть и встать на ноги отечественным производителям. Так поступали Япония, Южная Корея, Китай, Индия, Бразилия и ряд других стран, прежде чем многие виды их промышленной продукции, на которые государство делало ставку, получили заметный сбыт и стали конкурентоспособными на мировом рынке. К тому же нельзя не видеть, что крупные страны, имеющие или создающие современную индустрию, направляют на экспорт значительно меньшую долю своей продукции, чем мелкие и средние. Их производство преимущественно ориентировано на отечественный рынок. В России, однако, эта закономерность не действует, мы имеем слишком высокий удельный вес внешнеторгового оборота в ВВП.

Сегодня бесполезно обсуждать, имела ли альтернативу шоковая терапия и обвальная приватизация. Страна преодолела самые тяжелые времена и обрела новую жизнь. Но родовые травмы, связанные с переходом в другое состояние, остаются и могут спровоцировать серьезные осложнения. Мы уже с ними сталкиваемся не только

в финансово-кредитной сфере, на которой сегодня сосредоточено основное внимание. Наиболее ощутимые угрозы представляют углубляющаяся социальная дифференциация общества, растущая безработица и высокая инфляция. И то, и другое, и третье болезненно сказывается на большей части населения, представляющей низко- и среднедоходные его слои. Наши сильно извращенные рыночные отношения не ослабляют, а, напротив, усугубляют эти процессы. Избранные государством способы противодействия им также вызывают большие сомнения. Нужны более радикальные и решительные шаги.

Плоская шкала подоходного налогообложения, льготные налоги на дивиденды, сохраняющиеся лазейки для уклонения от налогов и вывоза капиталов сомнительного происхождения, в том числе использование для этого оффшорных гаваней, разгул коррупции, безнаказанность многих экономических преступлений и махинаций — все это ведет, по мнению специалистов, к колоссальному недобору бюджетных доходов и углублению пропасти между богатыми и бедными.

У нас еще присутствует масштабная бедность и скудость потребления миллионов граждан. Казалось бы, моральные нормы бережливости и скромности должны возобладать в обществе, широко признаваться и соблюдаться. К сожалению, превалирует культ богатства и роскоши, купеческий размах — «знай наших». Телевидение рекламирует жизнь нуворишей в их шикарных квартирах и виллах, показывает их яхты, самолеты и автомобили класса люкс, разгул на заграничных фешенебельных курортах, светские рауты для избранных с обильным угощением. Высшие менеджеры в крупных корпорациях, в том числе контролируемых государством, вознаграждаются порой щедрее, чем их американские или европейские коллеги. И если за рубежом все громче раздаются протесты общественности против запредельной зарплаты и бонусов топ-менеджеров и государства начинают в это вмешиваться, то у нас это молчаливо принимается как само собой разумеющаяся реальность.

Превосходящее все мыслимые стандарты имущественное расслоение общества бросает вызов представлениям о социальной справедливости, лишает людей моральных и материальных стимулов к добросовестному труду, обостряет проблему бедности, усиливает нищету, порождает детскую беспризорность и другие социальные беды. В конечном счете страдают темпы и качество экономического роста. Осознание упомянутых негативных последствий делает необходимым нахождение новых подходов в идеологии и практике проведения государством модернизации российской экономики.

Методы борьбы с инфляцией также требуют переосмысления. К сожалению, наши экономические и особенно финансовые деятели придерживаются монетаристских рецептов, то есть делают ставку главным образом на ограничение денежной и кредитной эмиссии, практикуют так называемую «стерилизацию» денежной массы, сдерживание бюджетных ассигнований на зарплату и социальные выплаты. Кстати, в трудные времена в США и Европе государства шли на расширение денежного предложения, чтобы повысить платежеспособный спрос и оживить производство. Мы почему-то связываем с этим только всплеск инфляции.

Ужесточение денежной политики имело негативную сторону, которая проявилась теперь, когда государство вынуждено предпринять беспрецедентное дополнительное вливание денег из своих резервов в нездоровую экономику. Предоставленная на льготных условиях денежная помощь Сбербанку, ВТБ, Газпромбанку, Роснефти, компаниям Дерипаски и Абрамовича, промышленным корпорациям была по большей части конвертирована в валю-

ту и переведена за рубеж в погашение долгов и создание резервов. Производители, реальный сектор экономики от нее мало что выиграли.

Инфляция не сводится к переполнению каналов обращения деньгами. Она вызывается ростом издержек производства под влиянием различных факторов: повышения стоимости сырья и топлива, транспортных тарифов, заработной платы, удорожания импорта и т. д. На ее размерах отражаются монопольные сговоры, инфляционные ожидания, степень доверия к устойчивости экономической системы, налоговая нагрузка и прочие побочные расходы производителей, компенсируемые повышением цен. Поэтому бороться с инфляцией надо по всем линиям и разнообразными методами.

Но чтобы иметь верное представление о ее последствиях, важно объективно оценивать масштаб инфляции, причем не только средний, по принципу средней температуры по больнице, а для различных секторов экономики и слоев населения. Инфляция всегда проявляется как дополнительный скрытый налог на население и бизнес, но тяжесть и возможность компенсировать его далеко не одинаковы. Детальные исследования, предпринятые рядом специалистов, выявили, что в наибольшей степени страдают бедные и средние по достатку слои населения. Цены на корзину потребляемых ими товаров и услуг возросли у нас в последнее время не менее чем на 25–30 % ежегодно, тогда как для богатых этот показатель совпал с официально публикуемыми 10–14 %.

Для отраслей, работающих на внутренний рынок, сбыт постоянно сужается из-за высокой инфляции, урезающей покупательную способность населения. Отсюда — замедление роста и даже сокращение производства. Потребление же верхних слоев общества состоит в основном из импортных товаров, поэтому эти люди не являются покупателями отечественной перерабатывающей промышленности, а поддерживают зарубежных производителей.

Неплохо было бы попытаться сдерживать инфляцию не столько монетаристскими методами, сколько расширением платежеспособного спроса основной части общества и соответственно стимулированием производства и предложения отечественных товаров и услуг приемлемого качества и по доступным ценам. Недооценка труда в России по сравнению с близкими к нам по уровню странами ограничивает платежеспособный спрос населения. К тем же последствиям приводят трудности в получении кредитов бизнесом, особенно мелким и средним, непомерная дороговизна кредитных займов.

Не стоит пренебрегать постулатом классической политической экономии: «Государство богатеет, когда простой товар имеет». Разумеется, сегодня важно, чтобы он был хорошего качества, находил сбыт и его производство постоянно увеличивалось. Здесь многое способен сделать мелкий и средний бизнес, который еще не получает необходимой поддержки и защиты государства.

Конечно, и без денег экономика не может обойтись. Они тоже часть национального богатства, когда не лежат без дела, а работают как мера стоимости, средство обращения и средство накопления. Последняя функция — определяющая для экономического роста. Естественно, при условии, что немалые ресурсы на счетах наших государственных институтов и банков, в том числе заимствованные на Западе, не используются для биржевых спекуляций, не растраниваются и не омертвляются в неоправданных резервах, а служат приумножению реальных производительных сил страны, ее основных фондов — другими словами, превращаются в инвестиции.

Чтобы это происходило, нужен благоприятный инвестиционный климат в стране. Его создание и поддержание — задача далеко не чисто экономическая. Она требует

эффективности государственного управления, отсутствия неоправданных бюрократических препон, политической стабильности, доверия инвесторов ко всей экономической, правовой и налоговой системе, надлежащего состояния деловой морали, эффективности борьбы с коррупцией и, разумеется, перспектив получения хорошей прибыли, которые открывают динамичное и гармоничное развитие экономики.

Практика показывает, что при возможности сорвать большой куш иностранные инвесторы готовы рискнуть и пренебречь многими изъянами нашей государственной и рыночной системы. Но почему мы должны позволять наживаться на нашей бесхозяйственности и отсутствии элементарного порядка?

Роль государства в содействии инвестиционной деятельности, а также участия в ней нельзя переоценить. Оно ответственно за определение ее приоритетных на-

правлений, предоставление гарантий в случае рисков, которые частный бизнес не готов взять на себя, за создание льготных условий кредитования и налогообложения для стратегически важных инвестиций. И, несомненно, выдвигаемые президентом и правительством перспективные цели развития страны делают необходимым усиление этой роли. Это потребует соответствующих инициатив, немалых управленческих усилий и реформаторских начинаний, которые либералы могут выдавать за попытки огосударствления экономики. Но без участия государства, налаживания государственно-частного партнерства решительное улучшение инвестиционного климата маловероятно. А стало быть, и реализация амбициозных планов экономического процветания. Хочется надеяться, что настал момент истины, когда возможно извлечение уроков из ошибок прошлого и исправление того, что тормозит движение вперед.